

От автора

Статья напечатана давно (Октябрь. 2010. № 3), но, к сожалению, остается актуальной. Многие нынешние работы о «Собачьем сердце» показывают, что тема отнюдь не устарела.

Текст публикуется в сокращенном виде.

Е.А. Яблоков

БЕСПОКОЙНОЕ «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ», или ГОРЬКИЕ ПЛОДЫ ЛЕГКОГО ЧТЕНИЯ

Есть прекрасный русский стих, который я не устану твердить в московские синие ночи, от которого, как наважденье, рассыпается рогатая нечисть. Угадайте, друзья, этот стих – он полозьями пишет по снегу, он ключом верещит в замке, он морозом стреляет в комнату:

...не расстреливал несчастных по темницам...

Вот символ веры, вот подлинный канон настоящего писателя, смертельного врага литературы.

О. Мандельштам. Четвертая проза

Драконоборец Егорий,
Ты всю жизнь провел на посту –
В уединеньях лабораторий
И в сраженьях лицом к лицу.

М. Волошин

Булгаковедение вроде бы относится к академической науке, однако не все его проблемы имеют отвлеченный характер. Речь пойдет о вошедших в моду интерпретациях «Собачьего сердца», отражающих характерные – и, увы, неблагоприятные – тенденции общественного сознания.

Благодаря фильму В. Бортко повесть Булгакова перешла в разряд культовых произведений; хотя, как часто бывает, экранизация сыграла с оригиналом злую шутку: многие из тех, кто

берется рассуждать о «Собачьем сердце», ориентируются на фильм, полагая, будто ведут речь о булгаковском тексте.

В эпоху перестройки, когда повесть впервые опубликовали на родине автора, в СССР было принято акцентировать тему борьбы с тоталитаризмом: в Булгакове усматривали главным образом социального сатирика, подчас игнорируя философскую глубину и неоднозначность рисуемых им коллизий. Новое время – новые песни. Фундаментальные для писателя принципы – защита прав личности, императив чести и достоинства – сегодня не только не вызывают у многих сочувствия, но, напротив, даже раздражают. Отсюда вульгаризация и искажения, стремление приписать повести смысл, фактически противоположный авторскому. Характерно, что лживые «трактовки» внедрились в школьную практику преподавания литературы.

Приведу ряд цитат, заимствованных из различных источников. Начну (по хронологии) со статьи неизвестного мне критика А. Липского «Анатомия “Собачьего сердца”», опубликованной в 2000 году в сетевом политическом еженедельнике «Левая Россия»:

Можно с уверенностью сказать, что Швондер и его домоуправление являются самыми оболганными персонажами данного произведения. Их на диво единодушно оклеветали и выдуманный Преображенский, и реальные интерпретаторы «Собачьего сердца» <...> ...Напрасно думает профессор, что Шариков ничему у него не научился. Еще как научился! Вспомните, с каким восторгом он смотрел на Преображенского, когда тот выпроваживал Швондера и его спутников. <...> Вот тогда будущий Шариков и приобрел опыт в решении квартирного вопроса. А Филипп Филиппович во всем обвиняет какого-то Клима, глядя на то, как Шариков пьет водку¹.

В редакционной врезке эти рассуждения аттестованы как образец «социалистической критики». Можно было бы не уделять внимание тенденциозным писаниям, если бы в ту же дуду не стремились дунуть профессионалы, вроде бы претендующие на объективность. Многие из них склонны возлагать вину за все происходящее в повести именно на профессора Преображенского. Так, доктор филологических наук В. Петров утверждает, что Преображенский и Борменталь «*пытаются хирургическим путем <...> превратить низшее существо <...> в человека*»². Возможно, мысль попросту заимствована из «Булгаковской энциклопедии», составленной доктором филологических наук Б. Соколовым (тоже

не особо церемонящимся с первоисточниками) и не раз переизданной вместе с невероятным числом содержащихся в ней ошибок: *«Преображенский проводит эксперимент по очеловечиванию <...> пса Шарика»*³.

Вот выдержки из пособия для поступающих в гуманитарные вузы – написанного опять-таки доктором филологических наук, завкафедрой педуниверситета: *«Профессор виноват в том, что сам эксперимент и его философское обоснование были направлены против природы»; «Эксперимент Преображенского по форсированному созданию нового человека явно не удался, он нарушил законы, выработанные природой и обществом»*⁴. При этом фамилия Швондера даже не упоминается – очевидно, будущим педагогам знать про него не обязательно.

Те же мысли – в многократно переиздававшемся пособии для школьников: *«Профессор Преображенский <...> хирургическими методами хочет “улучшить человеческую породу”»; «эксперимент с очеловечением собаки провалился»*⁵.

А вот наставление для учителей – поурочные разработки по литературе XX века. Среди прочих есть раздел и о «Собачьем сердце». Не стану специально комментировать речевые ошибки и логические неувязки, которых здесь, увы, немало; скажу только об интерпретации булгаковской повести. По мнению методиста, это *«сатира, пародия на претензии человека вмешиваться в то, что подвластно лишь Богу»*⁶; Преображенский *«несет ответственность за свое вмешательство в природу, в то, что вовсе не находится в его ведомстве»*⁷; *«Фабула повести связана с идеей очеловечивания животных. Эксперимент профессора Преображенского по очеловечиванию собаки заканчивается провалом»*⁸; *«по прихоти науки возникает чудовищный гомункулос с собачьим нравом»*⁹.

Не преминул осудить булгаковских ученых и составитель беллетризованных биографий, к тому же доктор филологических наук А. Варламов. Он сперва сообщил, что герой повести «Роковые яйца» профессор Персиков полностью ответствен за свое *«изобретение, подрывающее естественный порядок вещей»*¹⁰, затем высказался по поводу Преображенского, что тот произвел *«операцию по превращению доброй собаки в недоброго человека»* и *«куражится <...> над природой»*. По мнению А. Варламова, Преображенский похож на чеховского Ионыча¹¹; да и вообще в «Собачьем сердце», как говорится, все хороши: *«Это повесть о черни и элите, к которым автор относится с одинаковой неприязнью»*¹².

К апогею пошлости приближается эссе Е. Степанян. Аннотация книжки гласит, что она содержит «*новое слово в булгаковедении*», притом поданное «*в остроумной художественной форме*». Увы, «новизна» разве что в самобытном сочетании развязности и необразованности. Просто очень уж хочется представить булгаковского профессора обыкновенным мещанином: «*Великий ученый, использовав в качестве полуфабрикатов бездомного пса и Клима Чугунова¹³, создал новую человеческую единицу, и создал вполне традиционно – по своему образу и подобию. И в то место, где могла бы находиться пресловутая душа (а теперь оно совершенно пустое), прекрасно уместилась основополагающая идея его, а теперь уже их общей, жизненной философии – есть и вообще жить надо по самому высшему разряду*»¹⁴.

Приведенные (и подобные им) высказывания в совокупности вызывают ощущение крестового похода троечников, которым лень было выучить уроки. Поэтому обратимся к булгаковскому тексту, чтобы «испытать на прочность» процитированные тезисы – вкратце их можно свести к следующему:

1. Преображенский ставит эксперимент, стремясь «очеловечить» собаку.
2. Поскольку инициатором происходящего является профессор, ответственность за происходящее возложена в первую очередь на него.
3. Эксперимент Преображенского противоестествен, направлен «против природы», подспудно тоталитарен и потому осуждается Булгаковым.
4. Шариков – недочеловек «с собачьим нравом».

Характеризуя собственную деятельность, Преображенский говорит, что заботился «*об улучшении человеческой породы*». Почему-то никто из «аналитиков» не задумался: зачем при этом могло бы понадобиться превращать собаку в человека – даже если бы профессор этого захотел? Может, по их мнению, у Преображенского был план фабриковать людей из животных? Конечно, в «Собачьем сердце» немало литературных реминисценций – в частности, откликается сюжет романа Г. Уэллса «Остров доктора Моро», так же как в сюжете «Роковых яиц» травестирован его роман «Пища богов». Однако для Булгакова уэллсовские идеи служат скорее объектом полемики – в частности, из-за их утопизма, замешенного на социалистических иллюзиях¹⁵.

Между тем с точки зрения внутренней, фабульной логики булгаковской повести все объясняется однозначно – вспомним фразу из дневника Борменталья: *«Показание к операции: постановка опыта Преображенского с комбинированной пересадкой гипофиза и яичек для выяснения вопроса о приживаемости гипофиза, а в дальнейшем – о его влиянии на омоложение организма у людей»*. Кажется, вполне понятно, что профессор в эксперименте хочет уточнить роль гормонов, вырабатываемых железами внутренней секреции. Никаких планов по очеловечиванию собак Преображенский не вынашивал, и результат операции оказался для него полной неожиданностью. Показательно, что в написанных «встык» одна за другой повестях «Роковые яйца» и «Собачье сердце» Булгаков дважды акцентирует мотив *случайного* открытия.

Бесспорно, что наука в принципе склонна к рискованно смелому проникновению в тайны бытия. Но в этом состоит сущность науки – да и всей человеческой цивилизации, которая на протяжении своего существования неуклонно «обособляется» от природы. К концу XIX века прикладное влияние науки до того возросло, что на первый план стал выходить новый вопрос: кто распоряжается потенциально опасными плодами открытий и изобретений, пуская их «в дело»?

Практическая реализация научных достижений (благодаря, в частности, тому же Уэллсу) была в начале XX века осмыслена как важная этическая проблема. Ее-то и акцентирует Булгаков применительно к послереволюционной эпохе. В двух повестях он говорит о судьбе чудесных случайных открытий; дело даже не в том, что именно «предлагается» людям, а в том, как они обходятся с этими «предложениями» – используют их во благо или во зло.

Как известно, Булгаков – отнюдь не «бытовик», его сюжеты не исчерпываются конкретно-историческими, злободневными коллизиями. И образ Преображенского находится на скрещении двух парадигм: социально-исторической и мифопоэтической, вневременной; проще говоря, в его образе (как и в образе Шарикова) вечность явлена во «временном» облике. С этой точки зрения профессор предстает существом «не от мира сего» – и своей «надмирностью» вызывает неприязнь, которая особенно обнажается в примитивизирующих, вульгарно-социологических трактовках (с которыми мы как раз имеем дело).

Содержит ли образ Преображенского в повести негативные черты? Прежде чем отвечать на этот вопрос, следует сказать об особенностях булгаковской концепции творческой личности (ученого, музыканта, писателя, актера и пр.). Писатель реализует

идею, восходящую еще к Пушкину: гений демоничен (в исконном, античном смысле слова) и неизвестно «кем» («сверху» или «снизу») дан; в нем сочетаются свойства сакральные и inferнальные. Этим обусловлен пародийный элемент, присутствующий в образах булгаковских «творцов» (не только в «Собачем сердце»), но не отменяющий их гениальности.

Отмечено, например, что булгаковский хирург за операционным столом изображен похожим на кухарку Дарью Петровну, разделяющую рябчиков¹⁶ (сравним заодно самописание автобиографического героя «Записок юного врача» во время производимой им операции: «Я <...> как опытный мясник, острейшим ножом полоснул бедро <...> ...срезал громадный кус женского мяса»). Кажется, сравнение с кухаркой не очень комплиментарно, однако оно идет не только и не столько по сатирической линии: в круг ассоциаций включается «Фауст» И.В. Гёте с его «кухней ведьмы» – вспомним, что в одном из эпизодов Преображенский назван «седым Фаустом». В образе профессора проглядывают «колдовские» черты – недаром он прямо и косвенно (вспомним твердую профессором фразу «К берегам священным Нила...» из оперы «Аида») отождествляется со жрецом¹⁷.

Фаустовская тема отнюдь не случайна. Мечта Фауста, особенно в «оперном» варианте, – вечная молодость, бессмертие; к этому же (причем не для себя, а для всех людей) стремится Преображенский. Конечно, в его действиях есть человекобожеская претензия, но, заметим, она носит вневременной и «внеклассовой» характер, то есть не объясняется условиями современной Булгакову России, не обусловлена распространившейся в ту эпоху идеей «нового человека». Работа Преображенского – это, так сказать, бродячий сюжет науки, реализованный в антураже 1920-х годов¹⁸.

Для булгаковских произведений типична ситуация, когда Универсум «отвечает» на настойчивые стремления человека проникнуть в тайну бытия. Подобные «ответы» всегда носят катастрофический или, по крайней мере, потрясающий характер – от нашествия «гадов» в повести «Роковые яйца» до пришествия незнакомца на Патриарших прудах в романе «Мастер и Маргарита». Таким же «асимметричным ответом» на действия талантливого ученого выглядит явление того, кто позже назовется Шариковым.

В «Роковых яйцах» толпа, убивающая Персикова, обвиняет его в том, что он якобы «распустил гадов». Однако профессор не «распускал» их ни в каком смысле: ужасающих «драконов» вывел Рокк в совхозе «Красный луч», а «распустились» (= разгулялись) они вполне самостоятельно. Виною Персикова может считаться лишь то, что в ответ на притязания «рока с бумагой» из Кремля

профессор «умыл руки», не попытался протестовать против «революционной» авантюры (впрочем, всем нам известно, что подобные действия вряд ли привели бы к успеху). В отличие от Персикова, Преображенский «вывел» (как бы «родил») Шарикова собственноручно, хотя и случайно; но в том, что Шариков «распустился» (= распоясался), виноват отнюдь не профессор, а Швондер и иже с ним. Более того: Преображенский оказывается единственным, кто осознает грозящую опасность и вместе с Борменталем эффективно с ней борется. Если он в чем и виноват, то вину свою искупает в полной мере.

Задумаемся, кстати, над вопросом: с чего это, собственно, булгаковские профессора в середине 1920-х годов сидят в России, если могли бы (с большими или меньшими трудностями) ее покинуть? Ради чего Персиков терпит голод и лишения эпохи «военного коммунизма»? Причем автор не упускает случая заметить, что если бы профессор уехал за границу, «ему очень легко удалось бы устроиться при кафедре зоологии в любом университете мира». Точно такая же «величина мирового значения» и Преображенский. Почему же тогда? Ответ крайне прост: булгаковские профессора как нормальные (а не истерично нарциссические) патриоты любят свою страну. И не вина талантливых ученых, что они в условиях живодерского социального «эксперимента»¹⁹ им, вместо того чтобы заниматься делом, приходится выживать, собственноручно ловя на реке жаб для опытов, оперируя богатых развратников и принимая покровительство власть имущих. Виноваты скорее те, кто паразитирует на потенциально небезопасных открытиях, присваивая себе право распоряжаться судьбами человечества и самих ученых.

К тому же – как ни удивит это «юрких» (словцо Е. Замятина) деятелей науки и образования – булгаковским интеллигентам не чуждо понятие о чести. Фраза Преображенского «Я – московский студент, а не Шариков!» звучит поистине гордо (хотя нынешний москвич, равно как и житель другого города нашей страны, вряд ли в состоянии это прочувствовать). Нелишне вспомнить также обращенный к Борменталу наказ: «Доживите до старости с чистыми руками». Стержень личности Преображенского – чувство собственного достоинства на грани аристократизма, проистекающее не из пошлого самолюбия, а из сверхличного ощущения важности собственной миссии. Отсюда – требовательность к окружающим; и отсюда же – умение признавать собственные ошибки.

Всякий, кто знаком с произведениями Булгакова, знает, что одной из важнейших в них является коллизия морального

компромисса, который тяжело переживается «грешником» (вспомним Хлудова в пьесе «Бег» или Пилата в романе «Мастер и Маргарита»). Преображенский тоже раскаивается в невольной вине («нарвался на этой операции, как третьекурсник»), причем делает конкретные шаги к восстановлению статус-кво. Сначала мысль об «обратной» операции неотчетлива («Ей-богу, я, кажется, решусь!»), но затем масштаб бедствия становится ученому ясен:

Швондер и есть самый главный дурак. Он не понимает, что Шариков для него еще более грозная опасность, чем для меня. Ну, сейчас он всячески старается натравить его на меня, не соображая, что если кто-нибудь, в свою очередь, натравит Шарикова на самого Швондера, то от него останутся только рожки да ножки!

Таким образом, «обратная» операция не просто акт самозащиты, продиктованный инстинктом самосохранения, но гражданский поступок, призванный спасти мир (в частности, недалёковидного Швондера) от «шариковщины».

Действительный грех Преображенского, если уж его искать, состоит в том, что в написанной профессором рекомендации он назвал Шарикова «человеком» – по ней тот получил документ, став социально полноправным существом. Впрочем, к моменту, когда это произошло, для самого профессора еще не все было ясно – видимо, он полагал, что и впрямь имеет дело с «новой человеческой единицей», а не с «традиционным» уголовником по имени Клим Чугункин.

Одна из важных особенностей булгаковского стиля – активная языковая игра: «реализация» фразеологизмов и метафор, использование омонимии, каламбуров и т.п. Само заглавие «Собачье сердце» включает в себе парадокс. Вспомним беседу профессора и ассистента:

– Одни коты чего стоят! Человек с собачьим сердцем!

– О нет, о нет, – протяжно ответил Филипп Филиппович, – вы, доктор, делаете крупнейшую ошибку, ради бога, не клеветайте на пса. <...> Сейчас Шариков проявляет уже только остатки собачьего, и поймите, что коты – это лучшее из всего, что он делает. Сообразите, что весь ужас в том, что у него уже не собачье, а именно человеческое сердце. И самое паршивое из всех, которое существует в природе.

Фиксируется омонимия слова «собачий», причем внимание акцентировано не на прямом значении (= принадлежащий собаке), а на переносном (= крайне плохой; ср. «собачья погода», «собачья жизнь»). Каламбурное совмещение значений создает парадоксальную ситуацию: сердце у Шарикова собачье (= паршивое) именно потому, что уже не собачье (= не принадлежит собаке)²⁰. Действительно, образ пса Шарика не вызывает отрицательных эмоций – это вполне симпатичное, разумное, по своему нравственное существо.

Подобным образом обстоит дело и с фамилией булгаковского профессора. Она выглядит «говорящей», однако на самом деле «говорит» не о том, что реально происходит в повести. Вновь процитируем диалог персонажей:

– Мое открытие, черти бы его съели, с которым вы носитесь, стоит ровно один ломаный грош... <...> Теоретически это интересно, ну ладно. <...> Ну а практически что? Кто теперь перед вами? – Преображенский указал пальцем в сторону смотровой, где почивал Шариков.

– Исключительный прохвост.

– Но кто он? Клим! Клим! – крикнул профессор. – Клим Чугункин! <...> Вот что-с: две судимости, алкоголизм, «все поделить», шапка и два червонца пропали <...> хам и свинья... <...> Одним словом, гипофиз – закрытая камера, определяющая человеческое данное лицо. Данное! <...> а не общечеловеческое!

О чем идет речь? О том, что никакого преображения собаки в человека на самом деле не совершилось – произошло (случайное, поскольку неожиданное) воскрешение погибшего Клима. В этом смысле фамилия Преображенский «неадекватна» носителю: профессор «должен» именоваться Воскресенским (кстати, именно такую фамилию носил отчим Булгакова, второй муж его матери). Так что напрасно многие читатели, учителя и даже литературоведы доверяются лукаво подsunутой писателем идее «очеловечивания» собаки.

Кто же возрождается на телесной «основе» Шарика? Иначе говоря – что собой представляет Полиграф Полиграфович Шариков в онтологическом смысле? Проблема весьма важная, ибо в основе булгаковской повести лежит вопрос о сущности понятия «человек».

Отвечая в эпилоге на реплику следователя о Шарикове, владевшем человеческой речью, Преображенский замечает, что

говорить – «еще не значит быть человеком». Действительно, в течение нескольких недель новоявленный «человечек», стремясь стать «как все» («Что, я хуже людей?»), поочередно приобретал атрибуты, которые должны были закрепить его в «человеческом» статусе, – таковы прямохождение, членораздельная речь, умение материться и пить водку, одежда и обувь, документы, имя, жилплощадь, должность, револьвер и т.п. Однако может ли «механический» набор признаков в конце концов обеспечить качественный «скачок» от человекообразного существа к человеку?

В фильме «Собачье сердце» характерна одна сцена, заведомо нарушающая логику булгаковской повести. После гневных речей Преображенского и Борменталья о том, что Шариков не должен считать себя полноценным человеком, ибо пребывает на низшей ступени развития, режиссер заставляет Шарикова ночью подойти к зеркалу и испытующе себя рассматривать – словно намекая, что в герое проснулась рефлексия, то есть он прогрессирует в «человеческом» направлении. Увы, для персонажа, нарисованного Булгаковым, такое невозможно.

Но почему, собственно, Шариков не мог бы эволюционировать? Ведь в повести его жизненный путь как бы насильственно прерван – автор попросту «не дал» герою развиваться дальше.

Ответ прост. Шариков не изменится потому же, почему не эволюционировал его «предок-близнец» – 25-летний Клим Чугункин. И когда Преображенский в финале говорит: «Наука еще не знает способа обращать зверей в людей», – под «зверем» подразумевается отнюдь не собака Шарик.

Булгаков выбирает для операции явно неслучайного «донора»: Чугункин – уголовник-рецидивист («условно каторга на 15 лет»), завсегда пивной, погибший там от удара ножом в сердце²¹. В романе «Белая гвардия», завершеном всего за несколько месяцев до создания «Собачьего сердца», тоже имеются персонажи «чугункинско-шариковского» типа – под видом петлюровцев они приходят грабить домохозяина Василису²². Примечательна характеристика одного из них: «...совсем отверженный человек, который при всех властях мира чувствует себя среди людей, как волк в собачьей стае». Затем этот субъект «обернется» предводителем бандитов – но и явленный в человекоподобном облике, назван волком: «В первом человеке все было волчье».

По Булгакову, подобные персонажи отнюдь не являются порождением советского строя – да и вообще какого-либо строя, ибо имеются «при всех властях мира». Они присутствуют среди людей всегда – это существа иной «породы», как бы генетическая

девиация²³. Вопрос лишь в том, какой степенью свободы пользуются они в конкретных исторических условиях, сколько им дают воли. Сравним суждение И. Бунина, писавшего 11 июня 1918 года:

Уголовная антропология выделяет преступников случайных <...> Но совершенно другое <...> преступники «инстинктивные». Эти всегда как дети, как животные, и главнейший их признак, коренная черта – жажда разрушения, антисоциальность. <...> В мирное время мы забываем, что мир кишит этими выродками, в мирное время они сидят по тюрьмам, по желтым домам. Но вот наступает время, когда «державный народ» восторжествовал. Двери тюрем и желтых домов раскрываются, архивы сыскных отделений жгутся – начинается вакханалия.

Шариков, как и «воскресший» в нем Чугункин, в антропологическом и социально-нравственном аспекте не представляет собой решительно ничего нового. Тип не изменился – изменилось отношение к нему; перефразируя заглавие известной статьи Д. Мережковского, перед нами уже не грядущий, а «грянувший» хам. Булгаковская повесть написана о наступающей эпохе беспрепятственного разгула волков, получивших волю: пришло время, когда волки стали считаться людьми и даже объявлены «гегемонами» – преступная власть сделала ставку на преступников.

В этой связи стоит затронуть вопрос об отношении Преображенского (и самого Булгакова) к «пролетариям». Кое-кто без зазрения совести причисляет к таковым даже Клима Чугункина²⁴. Вспомним, однако, изумленный вопрос Преображенского: «Почему вы – труженик?» – на который Шариков отвечает: «Да уж известно, не нэпман». С этой точки зрения хозяин трактира, с утра до вечера обслуживающий посетителей, – не труженик, поскольку материально обеспечен; а пьяница и вор, с утра до вечера сидящий в том же трактире, – труженик, поскольку нищ и гол.

Вопреки мнению А. Варламова, автор «Собачьего сердца» пишет вовсе не о «черни и элите», а о тружениках и паразитах. Причем распределение по этим категориям Булгаков производит совсем не так, как делали это пассионарии 1920-х годов, – он употребляет слова не в условно-мифическом, а в буквальном значении: труженик не тот, кто говорит красивые слова о труде и демонстративно ходит в рваной одежде и без галош, а тот, кто

трудится²⁵. Соответственно, профессор Преображенский, доктор Борменталь, безответная машинисточка, швейцар Федор, кухарка Дарья Петровна Иванова, ее возлюбленный пожарный, горничная Зинаида Бунина – труженики; Швондер с компанией, Шариков и ему подобные – паразиты. Вспомним монолог Преображенского о неурочном пении²⁶ как основном факторе «разрухи».

Нетрудно заметить, что в повести обыгрывается двусмысленность слова «пролетарий». Как во времена Булгакова, так и в нынешних толковых словарях оно имело и имеет два значения: во-первых, служит синонимом слова «бедный, нищий», во-вторых, обозначает класс людей, зарабатывающих средства к существованию продажей своего труда. В первом смысле более точным является понятие «люмпен-пролетариат» – оно широко употреблялось в конце XIX – начале XX века, обозначая, в частности, тех, кого в России называли босяками. К ним же, по принципу деклассированности, примыкают преступные, уголовные элементы (хотя в материальном отношении они зачастую вполне благополучны – современного жителя России это не должно удивлять).

Если пролетарии-труженики составляют основу цивилизации, воплощают «центростремительные», структурообразующие, то есть «человеческие» тенденции, то пролетарии-люмпены, живущие по волчьим законам, существуют «по касательной» к обществу, пребывают вне нравственности, несут антигуманное начало. М. Горький в свое время возвел босяка в ранг «сверхчеловека» – Булгаков в повести полемизирует с ним, делая Чугункина-Шарикова отнюдь не героем а-ля Ницше, а мещанином-эгоцентриком в духе «Единственного» М. Штирнера.

Шариков а-морален – пребывает вне этических координат. Булгаков неоднократно воспроизводил тип человека (во всяком случае, человекообразного существа), лишённого нравственности в принципе – так сказать, «по-детски». Одним из ярчайших воплощений станет персонаж романа «Мастер и Маргарита» Иуда – «*одухотворенно красивый*» провокатор (а вовсе не предатель, как его нередко называют). Для булгаковского Иуды полностью исключено самоубийство – суицидальную версию распространяют по приказу Пилата, но самому провокатору раскаиваться «неоткуда», поскольку отсутствует совесть. По той же причине Шариков не может испытующе смотреться в зеркало – разве лишь для того, чтобы насладиться своим «человекоподобием».

Чуть ли не самая главная, унаследованная от Достоевского, этическая коллизия в художественном мире Булгакова состоит в том, что одни грешники способны на раскаяние, а другие нет. Одних

возвращает к человечности хотя бы страх, хотя бы смерть – других не вернет ничто, ибо не к чему возвращать: «нравственный закон» (вспоминая И. Канта) не хранится даже в глубинных генетических пластах. Потому называть их грешниками не вполне справедливо – ведь субъективно они не отступили ни от какой нормы. Люди ли они – при том, что говорят на человеческом языке, имеют документы и оружие, пьют водку? И каков вообще критерий «человечности» – не абстрактно-философский, а, так сказать, наличный, конкретный? Об этом, собственно, и написана булгаковская повесть.

Конечно, в стране, где любой разговор о серьезных вещах приходится начинать с выяснения нравственных понятий (ибо они крайне расплывчаты), вопрос о том, морально или нет походя душить котов и стрелять людей (вспомним шариковское: «*У самих револьверы найдутся*»), может послужить темой глубокомысленной дискуссии. Но, мне кажется, спорить тут не о чем: если некоему существу нравится убивать («*вчера котов душили, душили*»), то такое существо иначе как убийцей и палачом не называется. В этом весь булгаковский Шариков. Повесть предупреждает о том, что происходит, если инстинктивного хищника-«волка» вооружить и облечь властью.

Давно замечено, что в «Собачем сердце» варьируются мотивы поэмы «Двенадцать» – в «зачине» повести возникают образы метельного вечера, городской улицы, бездомного пса, «буржуя»²⁷. Но, в отличие от А. Блока, революционное прельщение на Булгакова не подействовало. Фигурально выражаясь, Шариков – один из тех самых двенадцати с «*бубновыми тузами*» на спинах, с готовностью принявший из рук блоковского Христа «*кровавый флаг*» и вознамерившийся занять его место. Парадокс в том, что «творец» Преображенский, мечтая об омоложении и продлении жизни, то есть, в сущности, о бессмертии, случайно выпустил на свободу ангела смерти. Пародийный «бог-сын»²⁸ закономерно предстал антихристом, и ужаснувшись «демиургу» пришлось исправлять положение. Но это уже, так сказать, отдаленные ассоциации, не имеющие прямого отношения к теме.

Итак, в сухом остатке оказываются идеи простые и всем доступные. Уголовник Клим Чугункин, который существовал и «при царском режиме», но, будучи маргиналом, не оказывал определяющего влияния на жизнь общества, после большевистского переворота «воскресает» в виде полноправного существа, которого идеологи «нового мира» выдвигают в лидеры. Желающие могут открывать дискуссию – хорошо это или плохо; но у

меня мнение однозначное – в частности потому, что помню, к чему привел реальный разгул «шариковщины» в нашей с вами стране. Повесть заострена прежде всего против тех, кто дает подобным существам волю и жертвует собственными правами, подчиняясь негодям с волчьими замашками.

Несколько слов об отождествлении Преображенского с Ионычем – которое иначе как филологическим бессилием не назовешь. Чеховскому доктору, если помните, люди стали безразличны – он думал лишь о приобретении домов; булгаковский же естествоиспытатель беспрерывно работает, стремясь продлить человеческую жизнь (в этом, кстати, смысл существования медицины как науки). Простодушный А. Варламов элементарно не отличил рвача от врача. Что касается любви Преображенского к комфорту – вспомним его фразу: «*Я один живу и работаю в семи комнатах*». И если поставить вопрос таким, например, образом: сколько комнат не жалко для ученого, имеющего реальный шанс существенно улучшить качество человеческой (в том числе вашей собственной) жизни, – каков будет ответ?

Что касается упреков медикам в «протиестественности» их действий – напомним случай из жизни. Сто с лишним лет назад один бывший юрист высказался про «интеллигентиков», что они-де не мозг нации, а говно²⁹. Себя он «интеллигентиком» явно не считал. Вскоре, однако, собственный мозг юриста дал существенный (как позже выяснилось – необратимый) сбой³⁰. И вот что интересно: лечить его созвали отнюдь не бродяг из кабаков и подворотен, а тех самых «интеллигентиков» – как отечественных, так и заграничных. Да и нынешние «ниспровергатели» Преображенского (сами профессора), проповедующие благочестивое мракобесие, – интересно, у кого лечатся? А, лечась, сознают ли, что всякая врачебная манипуляция, любое лекарство, каждый диагноз – результат множества тех самых «протиестественных экспериментов», против которых, по их мнению, восставал врач Булгаков? Или они не лечатся? Ну, тогда дай им бог здоровья.

Авторы приведенных выше цитат пытаются утверждать, будто Булгаков во всем винил интеллигенцию. Однако хорошо бы не забывать, что в письме Правительству СССР (то есть прежде всего Сталину) 28 марта 1930 года писатель назвал интеллигенцию «лучшим слоем в нашей стране». Или, может, это говорилось из конъюнктурных соображений – на фоне процесса Промпартии, «шахтинского дела» и партийных призывов отказаться от «старых» кадров (проще говоря, уничтожить их за ненадобностью)?

Трудно сказать, чем руководствуются профессора и литераторы, поющие дифирамбы булгаковскому уголовнику и

скромно забывающие про тех, кто натравливал волков на людей. Конечно, после исторических перипетий XX века, в условиях систематического самоуничтожения нации практически никто из нас не свободен от элемента «шариковщины». Но отсюда вовсе не следует, что мы должны культивировать эту составляющую своего национального характера. Иначе наши исторические перспективы безнадежны.

И напоследок – цитата, специально адресованная филологам. За несколько лет до появления «Собачьего сердца» замечательный ученый А. Скафтымов призвал исследователей «*читать честно*»³¹. У меня нет сомнений, что для людей, подвигающихся на ниве науки и просвещения, эти слова должны иметь статус профессиональной заповеди.

2009

Постскриптум 2021 года

Прошло время, но в отношении «Собачьего сердца» мало что изменилось: бездоказательно-тенденциозные трактовки повести благополучно процветают. Приведу лишь несколько примеров.

Вот статья некоей Т. Савельевой, которая является кандидатом философских наук и, видимо, на этом основании считает себя вправе, не знакомясь с литературоведческими работами о «Собачьем сердце», писать без аргументов все что в голову взбредет. Пересказав на школьном уровне некоторые эпизоды повести, Т. Савельева комментирует их так:

Основной темой разговоров Филиппа Филипповича является еда. Правда, иногда эта тема разбавляется политикой <...> Отсюда, казалось бы, очевидная догадка о том, что он хочет облагодетельствовать человечество (сам профессор однажды подтверждает это: «Я заботился <...> об евгенике, об улучшении человеческой породы»), не кажется убедительной. Профессор делает свои опыты для узкого круга лиц. <...> ...Можно предположить, что благодеяние не единственный мотив деятельности профессора. Вероятно, на одном из первых мест стоит гордое желание почувствовать себя властелином мира, повелителем человеческих душ и т.п. <...> ...Ни профессор, ни его ассистент не задумываются об отдаленных

*последствиях результатов подобных экспериментов. Преображенский позднее будет сетовать только на плохое качество «биоматериала», сожалеть о своей неосторожности и опрометчивости, так как Шариков угрожает его душевному комфорту*³².

Соответственно, утверждает автор, в «Собачьем сердце» речь идет «о смещении ценностных акцентов части интеллигенции времен написания повести М. Булгакова». Подразумеваются отнюдь не Ленины, Сталины и прочие Швондеры – для Т. Савельевой «очевидно, что шариковы появляются благодаря кипучей деятельности преображенских»³³. Разницы между физическим появлением живого существа на свет (рождением) и формированием его личности (воспитанием), в котором Преображенский никак не играет ведущей роли, она попросту не видит – это помешало бы дилетантской фантазии.

Вообще интерпретация литературных произведений авторами, подвизающимися в сфере философских наук, – особая тема; жаль, нет времени говорить об этом подробно. Но не могу не сказать о сильном (хотя и сложном) впечатлении, которое произвел вышедший недавно в Киеве сборник «“Вечный Дом” Михаила Булгакова», среди семнадцати авторов которого пять докторов и два кандидата философских наук. В их числе – составительница сборника Ю. Савельева (однофамилица вышеупомянутой), скромно включившая в книгу четыре собственных текста. Один из них посвящен «Собачьему сердцу». Увы, ничего оригинального автор не выдумала – попросту пересказала давние измышления г-жи Степанян. Вслед за ней Ю. Савельева заявляет, что у Преображенского якобы есть «идея»³⁴, во имя которой он ставит эксперимент – «сознательно играет с силами природы, пытается стать выше природы, исправлять то, что принимает за ее “ошибки”»³⁵. Неслучайно Преображенский «стал рабом квартирного вопроса», притом ему свойственны «алчность, надменность и грубость»³⁶. Зато Шариков «не настолько опасен, как кажется, <...> нет в нем леденящего смертного начала, перед которым должен трепетать мир»³⁷; душитель котов с револьвером для г-жи Савельевой – тьфу... Про Швондера же практически не говорится; его роль (как и тех, кто за ним стоит) считается несущественной. С таким идейным багажом доктор философских наук долго и ретроградно рассуждает на всякие отвлеченные темы, вроде того что лучше бы Преображенскому не умничать, ибо тяга к знанию вообще-то штука дьявольская³⁸, недаром «все мастера неминуемо оказываются в сумасшедшем

доме или на кладбище»³⁹. Видимо, надо понимать так, что «не-мастерам» удастся избежать столь печального исхода...

Впрочем, неуемную фантазию проявляют не только доктора и кандидаты философских наук, но и филологи, причем с немалым научным стажем. Автор статьи в том же сборнике Р. Джулиани в целом солидарна с Ю. Савельевой в интерпретации булгаковской повести. По ее мнению, Преображенский «бросает вызов гармонии и мудрости созданного мира» (кем созданного – не сказано, но, видимо, имеется в виду бог); его эксперимент – «жестокое и рискованное предприятие», вследствие которого на свет появляется Шариков – «грубое и примитивное и в то же время беззащитное существо»⁴⁰. Булгаков, по словам Р. Джулиани, был «чуток к проблеме употребления и злоупотребления наукой»; однако виноватым в «злоупотреблении» объявляется Преображенский: «природа, жизнь – святы и неприкосновенны, и человеку не дано проникать в тайну их становления, разве что ценой насилия и риска создавать такие чудовища, <...> как человека-собаку»⁴¹. Причем Преображенский, оказывается, склонен не только создавать монстров, но и манипулировать ими:

Генетическая мутация, достигнутая искусственным путем, <...> приводит к появлению чудищ не только в природе, но и в общественной жизни: «новые люди», рожденные революцией, насильно отсеченные от своих культурных корней, как «пролетарий» Полиграф Полиграфович Шариков, оказываются отнюдь не людьми, и отнюдь не новыми, это всего лишь несчастные гибриды, на пути которых в любую минуту может стать некий циничный Филипп Филиппович, который. Как злодей-кукольник, будет дергать их за ниточки, предопределив тем самым их дальнейшую судьбу»⁴².

Читая эти фантазии, хочется поинтересоваться у автора: неужели она родилась в чистом поле, без медицинской помощи, и за свою некороткую жизнь даже к стоматологу не ходила ни разу? И от ковида не прививалась? А коли ходила и прививалась – стало быть, соучаствовала в действиях «против природы», пошла на поводу у тех, кто создает «чудищ», и, вероятно, давно уже находится во власти какого-нибудь Карабаса-Барабаса... Жуткое дело.

Синьора Джулиани до того заговаривается в стремлении доказать превосходство консерватизма над прогрессом, что выдвигает поистине смехотворную интерпретацию комедии

В. Маяковского «Клоп», переворачивая всё с ног на голову: «*между “старым”, воплощенным в клопе, и “новым” – в Присыпкине, который под видом настоящего коммуниста прячет сердце филистера, лучше старое: клоп!*»⁴³ На это сказать уже нечего – да, честно говоря, и не хочется, поскольку элементарно скучно. Хотя могу представить реакцию самого Маяковского, если б он услышал, что в его комедии клоп противопоставлен Присыпкину как положительный персонаж...

Подобных текстов еще немало. Но, думаю, трех статей вполне достаточно, чтобы убедиться в живучести взглядов, про которые писал больше десяти лет назад. И наверняка в будущем нас ждет еще немало забавных фантазий по поводу булгаковской повести.

¹ http://www.left.ru/2000/4/Anotomia_dog.htm

² *Петров В.Б.* Художественная аксиология Михаила Булгакова. М., 2002. С. 112.

³ *Соколов Б.В.* Булгаковская энциклопедия. М. 1996. С. 433.

⁴ *Трубина Л. А.* Русская литература XX века: Учебное пособие для поступающих в вуз. 4-е изд. М., 2003. С. 183, 185. Есть и более поздние издания.

⁵ М.А. Булгаков. Собачье сердце. Анализ текста. Основное содержание. Сочинения / Автор-составитель И. М. Михайлова. 7-е изд. М., 2006. С. 77.

⁶ *Егорова Н. В.* Поурочные разработки по русской литературе XX века. 4-е изд. М., 2007. С. 13.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 9.

⁹ Там же. С. 6.

¹⁰ *Варламов А.Н.* Булгаков. М., 2008. С. 315.

¹¹ Там же. С. 316–317.

¹² Там же. С. 319.

¹³ «Чугунову» не удивляйтесь. Смелая дама, призывающая «перечитать “Собачье сердце”, перечитать очень внимательно, слово за словом» (*Степанян Е.Г.* О Михаиле Булгакове и «собачьем сердце». М., 2009. С. 9), похоже, не знает, что персонажа зовут Чугункиным, – «Чугунов» у нее фигурирует также на с. 43 и 59.

¹⁴ Там же. С. 51–52.

¹⁵ Особенно явственно это видно в повести «Роковые яйца». Впрочем, для мудрецов вроде Е. Степанян и эта повесть не более чем «сатира на науку» – виноват во всем, оказывается, «*очумелый (?! – Е. Я.) профессор Персигов*» (Там же. С. 7).

¹⁶ *Жолковский А. К.* Блуждающие сны и другие работы. М., 1994. С. 153.

¹⁷ Ср. объяснение из книги, появившейся за четверть века до рождения Булгакова: жрец – «то же, что волхв, кудесник <...> название “жреца” было избрано при переводе Ветхого Завета на славянский язык для обозначения языческих священнослужителей <...> В хорутанском же наречии понятие жречества соединяется со словом “колдун» (*Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1994. Т. 1. С. 59–60).

¹⁸ Соответствующие научные эксперименты в то время производились прежде всего в Австрии и Франции, а вслед за ними и в России.

¹⁹ Один из прототипов булгаковских профессоров, академик и нобелевский лауреат И.П. Павлов, читая в конце 1910-х – начале 1920-х годов лекции, неоднократно говорил: «Если то, что делают большевики в России, есть эксперимент, то для такого эксперимента я бы пожалел и лягушку» (*Перчёнок Ф.Ф.* Академия наук на «Великом переломе» // Звенья. М., 1991. Вып. 1. С. 190).

²⁰ Данный каламбур, по наблюдению С. Шаргородского, заимствован из стихотворения С. Есенина:

Слушай, поганое сердце,
Сердце собачье мое.
Я на тебя, как на вора,
Спрятал в руках лезвие.

²¹ Тоже «есенинская» деталь – вспомним строки из «Письма матери: «...Будто кто-то мне в кабацкой драке / Саданул под сердце финский нож».

²² В повести «Собачье сердце» эти три бандита «трансформируются» в Шарикова и двух его случайных собутыльников, прихвативших из квартиры Преображенского кое-какие вещи и деньги.

²³ Ср. определения из Толкового словаря В.И. Даля: волк – человек угрюмый, нелюдим; волчий билет – полугодовая отсрочка, выдаваемая приговоренным к ссылке преступникам, от которых общество отрекается. В уголовном жаргоне слово «волк» служит, в частности, синонимом слова «вор».

²⁴ *Соколов Б.В.* Булгаковская энциклопедия. С. 433.

²⁵ Как известно, прототипом Преображенского послужил дядя (брат матери) автора «Собачьего сердца» врач Н.М. Покровский. В письме к сестре Надежде (Земской) из Вязьмы 31 декабря 1917 г. Булгаков, говоря про «дядю Колю», называет жизнь Покровского «каторжно-трудоной».

²⁶ Разумеется, пение как таковое вовсе не отрицается – недаром профессор страстно любит оперу: «*В Большом пусть поют, а я буду оперировать. Вот и хорошо – и никаких разрух...*»

²⁷ См.: *Золотоносов М.Н.* «Родись второрождением тайным»: Михаил Булгаков: позиция писателя и движение времени // Вопросы литературы. 1989. № 4. С. 164; *Шаргородский С.* Собачье сердце, или Чудовищная история // Литературное обозрение. 1991. № 5. С. 88–89.

²⁸ См.: *Гаспаров Б.М.* Литературные лейтмотивы. М., 1994. С. 96.

²⁹ Цитата из ленинского письма Горькому от 15 сентября 1919 г. (*Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 51. С. 48).

³⁰ Между прочим, фамилия героя повести «Роковые яйца» профессора Персикова явно пародирует фамилию врача-патологоанатома профессора А.И. Абrikосова, который вскрывал тело умершего Ленина.

³¹ *Скафтымов А.П.* К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы // Ученые записки Саратовского университета. 1923. Вып. 1. С. 59.

³² *Савельева Т.Г.* «Собачье сердце» М.А. Булгакова в контексте русской культуры: религиозно-философский аспект // Вестник славянских культур. 2020. Т. 55. С. 141.

³³ Там же. С. 142. .

³⁴ *Савельева М.Ю.* «Великие усилия стать беспристрастно над красными и белыми...»: Человек и власть в утопиях Михаила Булгакова // «Вечный Дом» Михаила Булгакова. Киев: Издательский дом Дмитрия Бураго, 2021. С. 41.

³⁵ Там же. С. 36.

³⁶ Там же. С. 43, 48.

³⁷ Там же. С. 44.

³⁸ Там же. С. 38.

³⁹ Там же. С. 55.

⁴⁰ *Джулиани Р.* Тема омоложения в европейской литературе 1920-х годов: Михаил Булгаков и Итало Свейво // «Вечный Дом» Михаила Булгакова. С. 369.

⁴¹ Там же. С. 373.

⁴² Там же. С. 374.

⁴³ Там же. С. 375.